

ОНА ПРОСТО ХОТЕЛА ЛЮБВИ

СЕРЕЖА СОЛНЫШКИИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сережа Солнышкин

Она просто хотела любви

«Автор»

2026

Солнышкин С.

Она просто хотела любви / С. Солнышкин — «Автор», 2026

Что остаётся женщине, когда она перестаёт быть нужной? Тишина. Одиночество. И тело, которое помнит. Она не искала приключений. Она просто хотела почувствовать себя живой. Но жизнь, которую она впустила, оказалась больше, чем она ожидала. Двое мужчин. Две силы. Одна — подавляющая. Другая — обволакивающая. И она, та, что считала себя сильной, сдалась. Не им. Себе. Это история о том, как желание ломает все представления о правильном. И о том, что бывает, когда женщина перестаёт спрашивать разрешения у самой себя.

© Солнышкин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Глава 1. «Женщина, которая умеет краснеть»	10
Часть 1. Глава 2. «Зрелая роза»	18
Часть 1. Глава 3. «Тень Амира»	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сережа Солнышкин

Она просто хотела любви

Пролог. «Час, когда тело помнит всё»

Эпиграф:

«Есть ночи, когда я не сплю — я горю».

— Марина Цветаева

Ночь была как бархат, пропитанный её собственным теплом.

Три часа ночи.

Час, когда тело помнит всё, о чём разум давно запретил себе думать.

Вера лежала на спине, глядя в потолок, и слушала, как внизу живота наливается тяжёлым, сладким, невыносимым теплом. Оно поднималось медленно, как вода в колодце, — от лона к груди, от груди к горлу, к щекам, к самым корням волос. Сорочка, тонкая, почти невесомая, терлась о соски, и каждое движение ткани отзывалось в ней дрожью, которую она не могла ни остановить, ни понять.

Она сжала бёдра — и тут же разжала, потому что стало только хуже.

Ткань между ног промокла. Вера почувствовала это не сразу — сначала просто тепло, потом влажность, которая пропитала сорочку и оставила на внутренней стороне бедра липкую дорожку. Она сглотнула. Ей хотелось содрать с себя одежду — и одновременно натянуть одеяло до подбородка, спрятаться, исчезнуть.

Рука скользнула вниз сама — будто не её рука, будто чужая, которая нашла нужное место без спроса. Вера смотрела на неё отстранённо, как на руку другой женщины, и позволила этой другой сделать всё, что та хотела.

Пальцы нашли горячую, влажную, набухшую плоть. Вера выгнулась, закусила губу, дыша чаще. Запах собственного тела ударил в ноздри — солёный, тёмный, стыдный. Она не думала ни о ком конкретном — только о руках. О чужих, больших, уверенных руках, которых не было. О губах, которые не касались её слишком давно, чтобы помнить их вкус. О тяжести мужского тела, которого не было рядом — но которое она чувствовала каждой клеткой, каждой мышцей, каждой влажной складкой, как будто оно могло войти в неё прямо сейчас, из темноты, из воздуха, из её собственного голода.

Судорога накрыла её резко, скрутила, вырвала из горла сдавленный стон, который она тут же задушила подушкой. Она сжалась в комочек, дрожа, прижимаясь лицом к влажной от слёз или пота наволочке, и чувствовала, как внутри, в самой глубине, ещё пульсирует, ещё отзывается что-то живое, ненасытное, отчаянное.

А потом пришла тишина.

Она лежала, остывая, и слушала, как в этой тишине бьётся её собственное сердце — громко, будто чужое. Пальцы были мокрые. Вера вытащила руку из-под одеяла и посмотрела на неё. В темноте блестело. Она медленно поднесла руку к лицу — и почувствовала собственный запах. Резкий. Честный. Такой, каким пахнет женщина, которую никто не видит.

И вместе с облегчением накатило то, что всегда приходило после, — холод. Пустота. Ощущение, что она только что взяла себя силой, не спросив разрешения, и теперь должна за это заплатить одиночеством.

Она повернулась на бок, поджала колени к груди и лежала так, пока за окном не начало сереть.

Утром Вера стояла перед зеркалом.

Невысокая, полноватая, с тяжёлой грудью, которую она всю жизнь прятала под закрытыми блузками, будто стыдилась её, будто эта грудь была не даром, а преступлением. С пухлыми губами, которые всегда казались ей слишком яркими, слишком вызывающими, словно они принадлежали другой женщине — той, что живёт внутри и не может вырваться наружу.

Сегодня к отражению добавились следы ночи. Припухшие веки. Тёмные круги под глазами. И румянец, который вспыхнул при одной мысли о том, что она делала несколько часов назад. Как будто отражение знало. Как будто оно всё видело.

Вера отвернулась слишком резко.

Она умылась ледяной водой, но щёки всё равно горели. Стянула мокрую сорочку, бросила в корзину — та упала с влажным шлепком, и Вера поспешно накрыла её полотенцем. Будто кто-то мог увидеть. Будто улику.

А скрывать было что.

Потому что внутри неё, под этой мягкой, скромной оболочкой, жил голод. Древний, как сама плоть. Тот, о котором не говорят вслух приличные женщины. Тот, что просыпался по ночам и не давал уснуть до рассвета, тот, что заставлял её руку опускаться туда, где было горячо и влажно, где билась её самая потаённая, самая запретная правда.

Ей было сорок два.

И она забыла, когда её целовали по-настоящему. Когда поцелуй был не просто прикосновением губ, а обещанием, вторжением, началом.

В последнее время к тоске прибавились головные боли. Тяжёлые, давящие, как будто кто-то сжимал виски невидимыми пальцами. Вера пила таблетки, жаловалась подруге, что, наверное, это возрастное.

— Какое, к чёрту, возрастное? — фыркнула Люба, когда Вера позвонила ей в обед. В трубке послышался щелчок зажигалки, короткая пауза, выдох. — Тебе не таблетки нужны. Тебе нужно, чтобы тебя разложили как следует. Чтобы искры из глаз. Чтобы кровь загудела так, чтоб в ушах звенело. Вот тогда и головные боли твои пройдут, и всё остальное наладится.

Вера вспыхнула до корней волос.

— Люба! Ну что ты такое говоришь...

— А что? Правду говорю! — Люба снова затянулась, и Вера услышала, как она выпускает дым — медленно, с наслаждением. — Ты баба в самом соку, а живёшь как монашка. У тебя там уже всё, поди, паутиной заросло без дела.

— Люба!

— Ладно-ладно, не заводись. — В трубке звякнуло — Люба, видимо, поставила чашку на блюдце. — Но ты подумай. Баба без мужского внимания — как цветок без воды. Вянет. А ты, Вера, ещё очень даже ничего. У тебя вон губы какие — за такие убивают. И щёчки румяные. И сиськи есть — не то что у нынешних дохлых глистов. Мужики любят, когда есть за что подержаться. Так что хватит киснуть.

— И что ты предлагаешь? — Вера сама не поняла, как это вырвалось.

Она задала вопрос и тут же пожалела. Потому что услышала в собственном голосе что-то жалкое, голодное, согласное заранее. Люба тоже это услышала — и в трубке повисла короткая пауза, в которой Вера отчётливо различила улыбку.

— Сайт знакомств, — буднично сказала Люба, будто речь шла о покупке картошки. — Регистрируйся. Там сейчас все нормальные люди. Ну не все, конечно, но ты отсекай. Какие фото ставить, я тебе скажу. Что писать — подскажу. Как отшивать придурков — научим. Главное — не будь ханжой. Мужчины — они примитивные, как трактора. У них одно встало — другое отключилось. А ты свою цену знай. Ты ещё такую шкуру можешь отхватить, что все бабы на работе от зависти сдохнут.

Вера слушала и удивлялась. Люба была замужем. Третий раз, между прочим. Первый муж — алкоголик, второй — бабник, третий — вроде ничего, сидит тихо, деньги в дом несёт. И откуда она так хорошо знает всё это? Словно сама прошла через все эти сайты, через все эти переписки, через все эти свидания. Вера хотела спросить, но промолчала. Иногда вопросы опаснее ответов.

— Короче, не тани. А то так и будешь дрожать одна под одеялом, пока другие бабы живут. Ну всё, давай, у меня котлеты на плите.

Люба повесила трубку.

А Вера осталась сидеть в тишине.

На кухне пахло вчерашним супом. Под окном гудели машины. Где-то за стеной соседи выясняли отношения — глухо, устало, без злости. Вера слушала эти звуки и вдруг почувствовала, какая она маленькая в этом кресле, в этой кухне, в этой жизни. Какая невидимая.

Вечером она скачала на смартфон нужное приложение.

Долго смотрела на тёмный экран, на своё отражение в нём — расплывчатое, неясное, будто чужая женщина, которая жила по ту сторону стекла и знала о ней что-то, чего сама Вера не знала. Потом открыла сайт.

Анкета. Имя. Возраст.

Пальцы зависли над клавиатурой. Она набрала «Вера», стёрла. Набрала снова. В графе «о себе» долго мигал курсор. «Я...» — и пустота. Что она могла написать? «Сорок два, ищу...» — что ищу? Она сама не знала.

Вера встала, подошла к шкафу. Достала старый фотоальбом. Листала снимки — вот она на море, тридцать пять, смеётся, ветер треплет волосы, платье прилипло к бёдрам. Вот на дне рождения у Любы — раскрасневшаяся, с бокалом, глаза блестят, в вырезе платья угадывается тяжёлая грудь. Вот совсем старая, двадцать восемь, в сарафане, с мужем.

Она не задержалась на этом снимке. Просто перевернула страницу. Но пальцы чуть дрогнули.

Она выбрала фото с моря. Сфотографировала на телефон. Загрузила.

Потом вернулась к анкете и набрала:

«Не знаю, что здесь ищу. Может быть, просто хочу снова почувствовать себя живой».

Стёрла.

«Обычная женщина. Иногда по ночам мне кажется, что я исчезаю».

Стёрла.

«Люблю тишину, дождь и когда кто-то смотрит на меня так, будто я ещё что-то значу».

Оставила.

Она смотрела на курсор, который мигал, как крошечный красный глаз, и вдруг подумала: «Если я нажму — меня уже не будет. Там, по ту сторону экрана, я стану совсем другой. И может быть, та, другая, будет жить за меня».

Она нажала: «Зарегистрироваться».

И в ту же секунду — сигнал. Сообщение.

Вера вздрогнула. Сердце ударило в горле. Она уставилась на экран — маленький конверт, мигающий красным. От кого? Она медлила, боясь открыть. Боялась, что там окажется пошлость, грязь, что её снова зальёт этим проклятым румянцем. Или — ещё страшнее — что там окажется пустота. Что никто не напишет. Что она зарегистрировалась, и это ничего не изменит.

Но конверт был.

Вера поднесла палец к экрану. Коснулась.

«Вы похожи на женщину, которая умеет краснеть».

Она замерла.

Перечитала.

Жар поднялся от груди к щекам, залил лицо, шею, уши. Вера прижала ладони к щекам — ладони были ледяные.

И в этой разнице температур — лёд снаружи, огонь внутри — было что-то похожее на предчувствие. Будто тело уже поняло то, что разум ещё отказывался принимать. Будто внутри неё уже открылась какая-то дверь — тонкая щель, через которую потянуло холодом и чем-то ещё. Чем-то тёмным, сладким, опасным.

Она ещё не знала, что некоторые двери, однажды открыв, уже не закроешь.

Но ладони, прижатые к щекам, уже дрожали.

Часть 1. Глава 1. «Женщина, которая умеет краснеть»

Эпиграф:

«Ад пуст. Все бесы здесь».

— Уильям Шекспир, «Буря»

Первое сообщение она так и не смогла стереть.

«Вы похожи на женщину, которая умеет краснеть».

Оно пришло в ту же секунду, как она нажала «зарегистрироваться» — будто кто-то ждал. Вера прочитала и замерла, чувствуя, как жар поднимается от груди к щекам, к ушам, к корням волос. Будто этот незнакомец сидел где-то в темноте и смотрел на неё сквозь экран. Будто видел, как она краснеет, одна, в пустой квартире, в три часа ночи.

Она не ответила. Не смогла. Просто закрыла приложение и ушла на кухню — попить воды. Ладони дрожали. Сердце билось где-то в горле.

Но вечером следующего дня, когда за окном моросил дождь, а в квартире было слишком тихо, она снова открыла приложение.

Сообщений было много. Десятки. Они приходили одно за другим, заставляя телефон дрожать в руке, как пойманную рыбу. Вера не привыкла к такому вниманию. Мама учила: если человек проявил к тебе интерес — невежливо не ответить. Нельзя молчать. Нельзя проходить мимо.

И Вера отвечала. Всем. Старательно, подробно, вежливо.

«Привет. Как дела?»

— Хорошо, спасибо. А у вас?

«Чем занимаешься?»

— Готовила ужин, теперь отдыхаю.

«Расскажи о себе».

И она рассказывала. Про работу, про то, что любит готовить, про то, что по выходным гуляет в парке. Пальцы летали по экрану, лицо горело. Ей казалось, что она делает что-то стыдное — сидит ночью, уставившись в телефон, отвечает незнакомым мужчинам, улыбается их комплиментам.

А потом пришло первое такое.

«Куни любишь?»

Вера вздрогнула, будто её ударили. Щёки вспыхнули так, что стало больно. Она отшатнулась, прижала ладонь ко рту. Что ответить? Как? Мама такого не объясняла.

Она написала, стараясь быть вежливой:

«Спасибо за внимание, но я не это ищу. Для меня важна любовь между мужчиной и женщиной. Настоящая. Без неё всё остальное не имеет смысла».

Ответ пришёл через секунду:

«А зря. Я бы тебе язык засунул так, что ты бы кончила три раза. А любовь потом, после».

Вера отбросила телефон на диван. Дышала часто, будто пробежала лестницу. Внизу живота — она не хотела этого замечать, но чувствовала — разливалось тяжёлое, тёмное тепло. Она сжала бёдра. Закусила губу. Господи, что с ней такое? Это же пошлость. Грязь. А тело... тело отзывалось.

Она снова взяла телефон. Удалила сообщение. Но слова остались.

Их было много в тот вечер.

«Минет делаешь?»

Вера набрала, тщательно подбирая слова:

«Мне неприятно даже само это слово. Звучит вульгарно. Я считаю, что физическая близость должна быть продолжением чувств, а не просто механикой».

Ответ пришёл сразу:

«А если мужчина тебя возбуждает так, что ты сама хочешь взять его в рот? Это что, тоже механика?»

Вера замерла. Палец завис над экраном. Она не знала, что ответить. Потому что никогда не хотела. Или... не позволяла себе хотеть?

Она стёрла начатое предложение. Написала другое:

«Я не испытывала такого желания. И не думаю, что испытаю».

«Потому что тебя никто не заводил как следует. Мужик должен довести тебя до такого состояния, чтобы ты сама на колени встала. А не спрашивал разрешения».

Вера отложила телефон. Посидела, глядя в стену. Потом снова взяла. Перечитала. Внутри что-то дрожало — мелко, против воли.

«Давай встретимся, потрахаемся».

«Простите, но я не считаю, что секс на первом свидании — это хорошо. Сначала нужно узнать друг друга получше. Понять, подходим ли мы друг другу как люди».

«А если узнаем — и не подойдём? Потратим месяц на разговоры и останемся ни с чем? Может, лучше сразу проверить, как тела друг с другом разговаривают?»

Вера перечитала. Что-то в этом было. Какая-то простая, животная логика, которая пугала своей прямоотой.

«Тело без души — это просто тело», — написала она.

«А душа без тела — это просто призрак. Тебе не надоело быть призраком?»

Вера не ответила.

«Могу заплатить, если анал разрешишь».

Вера отшатнулась от экрана. Набрала, стирая и заново набирая:

«Я никогда не занималась этим и не собираюсь. Это... это грязно. Неужели для вас это нормально?»

«Это не грязно. Это самая тесная связь между мужчиной и женщиной. Когда он входит туда, где его никто не был. Это как ключ к замку, который сделан только для него одного».

Вера смотрела на эти слова. Внизу живота снова потеплело. Она сжала бёдра, но это не помогло. Что с ней? Почему от этих грязных, невозможных слов её тело реагирует так, будто его касаются?

Она написала:

«Это противоестественно».

Ответ:

«Естественно всё, что приносит удовольствие обоим. Если тебе не нравится — не делай. Но ты не пробовала. А говоришь так, будто знаешь».

Вера не нашлась что ответить. Потому что он был прав. Она не знала. Она просто повторяла чужие слова — мамыны, из книжек, из статей. А сама не знала ничего.

«Скинь фото голой, я своё пришлю».

Она не успела ответить — сообщение раскрылось, и на экране появилось фото. Вера ахнула. Отшатнулась так резко, что стул скрипнул. На неё смотрело то, что она не хотела видеть, — крупно, нагло, во всей своей откровенной, животной силе. Она быстро закрыла приложение, но перед глазами всё ещё стояла эта картинка — тёмная, непристойная, чужая.

А потом пришло ещё. И ещё. Фотографии мужского естества, одно откровеннее другого. Вера прикрыла глаза ладонью, будто её могли увидеть. Её затапливало жаром — от стыда, от возмущения, от чего-то ещё, чему она не хотела давать имя.

Она набрала одному из них, самому настойчивому:

«Вам, безусловно, есть чем гордиться. Вы мужчина видный. Но нормальной женщине это не столь важно. Поверьте, для нас главное — душа. Сердце. А это... это лишь часть тела».

Ответ не заставил себя ждать:

«Душа — это хорошо. Но без члена ты свою душу никому не вставишь. Так что не рассказывай сказки».

Вера перечитала. Потом ещё раз. Что-то в этой грубой прямоте было. Что-то, от чего её собственные доводы вдруг показались ей картонными, книжными, не имеющими отношения к живой жизни.

Она продолжала отвечать. Всем. Терпеливо, как учительница младших классов, объясняющая нерадивым ученикам прописные истины.

«Анал — это противоестественно. Это грязь. Так нельзя».

«Размер не имеет значения. Важна нежность. Внимание. Забота».

«Слово „сосать“ звучит неприлично. Есть другие слова, более красивые».

«Секс на первом свидании — это неправильно. Сначала нужно узнать друг друга».

Она писала эти «железобетонные» аргументы снова и снова, как молитву, как заклинание, которое должно было защитить её от этого мира. Но мир отвечал. Грубо, просто, с мужской прямотой, которая не признавала её правил.

«Ты просто не пробовала. А когда попробуешь — понравится».

«Анал — это не грязно, если с душой. Это самая близкая связь между мужчиной и женщиной».

«Размер важен. Не ври себе. Большой лучше, чем маленький. Это природа».

«Сосать — это нормально. Все так делают. Ты что, с луны?»

Вера читала и краснела. Краснела так, что, казалось, светилась изнутри. Она сидела одна в пустой квартире, в тишине, нарушаемой только мягкими щелчками пальцев по экрану, но ей казалось, что все эти мужчины смотрят на неё сквозь смартфон. Видят её румянец. Слышат, как неровно она дышит.

А потом кто-то прислал ей фотографию — не мужского естества, а целой сцены. Мужчина и женщина, переплетённые в такой позе, что Вера не сразу поняла, где чьи руки, где чьи ноги. Она вгляделась, сама не понимая, зачем вглядывается, — и отшатнулась.

«Что из этого ты любишь больше всего?» — спросил незнакомец.

Вера не ответила. Не смогла. Она просто смотрела.

Женщина на фото откинула голову назад, лицо её выражало то ли боль, то ли наслаждение, то ли и то и другое одновременно. Мужчина держал её за бёдра, притягивая к себе, вдавливаясь в неё, и в этом было что-то такое... Вера сглотнула. Почувствовала, как снова теплеет внизу живота. Как напрягаются соски под тонкой домашней футболкой.

«Что из этого ты любишь больше всего?» — повторил незнакомец.

Вера набрала: «Я не люблю ничего из этого». Но палец замер над кнопкой «отправить».

Потому что это была неправда. Она не знала, любит ли она «что-то из этого». Она вообще не знала, что можно любить такое. Но в эту секунду, глядя на переплетённые тела, на запрокинутую голову женщины, на блеск её кожи, она вдруг подумала: а что, если?..

Она стёрла ответ. Написала другой:

«Я не знаю».

Отправила.

И замерла. Потому что это была первая честная фраза за весь вечер.

Ответ пришёл через несколько секунд:

«Как это — не знаешь? Тебе 42. Ты что, никогда не думала о том, что тебе нравится?»

Вера смотрела на экран. Пальцы дрожали. Она начала набирать:

«В моей жизни всё решал муж. Я просто... я просто делала то, что он хотел. И не задавала вопросов».

Она остановилась. Перечитала. Ей стало стыдно. Не за себя — за него. За то, как это звучит. Как будто она была не женщиной, а предметом. Как будто у неё не было своих желаний. Как будто она не знала собственного тела.

Она стёрла сообщение. Написала другое:

«Мне неловко об этом говорить с незнакомцем».

Ответ:

«А с кем тебе ещё говорить? С тем, кто тебя не знает, — проще. Он не осудит. И не расскажет никому. Так что? Чего ты хочешь? Прямо сейчас?»

Вера закрыла глаза.

Чего она хочет?

Она не знала. В этом и был ужас. Ей сорок два, а она не может ответить на простой вопрос: что ей нравится в сексе? Что её заводит? От чего она заводится так, что забывает, как дышать?

Она знала, что ей нравилось с мужем. Вернее — она знала, что ему нравилось. Как он любил, чтобы она лежала тихо. Чтобы не двигалась. Чтобы не издавала лишних звуков. Чтобы просто принимала. И она принимала. Старалась быть удобной. Старалась быть хорошей женой.

А что нравилось ей самой?

Она не знала.

И от этого незнания — такого внезапного, такого обнажающего — ей стало страшно. Будто она прожила сорок два года, не узнав собственного тела. Будто она была гостем в собственной коже.

Она открыла глаза. Посмотрела на экран. Мигал курсор.

«Я не знаю, — набрала она медленно, по буквам. — Я правда не знаю».

И отправила.

Незнакомец не ответил. Наверное, потерял интерес. Или не поверил. Или просто нашёл кого-то поинтереснее.

А Вера осталась сидеть с телефоном в руках. В пустой квартире. В тишине, которая вдруг стала громче любого разговора.

Она снова открыла переписку. Снова начала читать то, что ей писали.

«Ты просто зажата. Тебе нужен мужик, который тебя откроет».

«Ты красивая, но закомплексованная. А зря. Ты даже не представляешь, на что способно твоё тело».

«Тебе 42, а ты рассуждаешь как старуха. Живи, пока можешь».

Вера прижала ладони к горящим щекам. Ладони были ледяные. Она сидела так долго, слушая, как в пустой квартире тикают часы. Где-то в глубине, под стыдом, под возмущением, под усталостью, шевелилось что-то тёмное и любопытное. Что-то, что она запрещала себе чувствовать. Что-то, что просыпалось по ночам, когда её рука сама скользила вниз.

И среди этой какофонии пошлости и сомнений стали появляться другие сообщения.

Они приходили от мужчин с Азии, с Кавказа — тех, кто не спрашивал про анал и не слал голые фото. Они писали о любви. Так красиво, так сладко, что у Веры перехватывало дыхание.

«Ты моя роза, распутившаяся в пустыне моей души».

Она перечитала три раза. Прижала ладонь к груди. Сердце билось часто-часто, как у девчонки.

«Я закрываю глаза и вижу твои волосы, они как ночной шёлк».

Ей стало жарко. Она расстегнула верхнюю пуговицу блузки, потом вторую. Воздух коснулся кожи, и соски напряглись — она почувствовала это сквозь тонкую ткань. Стыдно. Но так приятно.

«Я увезу тебя к морю, и мы будем смотреть на звёзды до утра».

Вера зажмурилась. Перед глазами — море, ночь, тёплый ветер, чужие руки на её талии. Она не знала этих мужчин. Она знала только их слова. Но слова проникали глубже, чем прикосновения.

А потом написал Амир.

Это произошло поздно ночью, когда Вера уже собиралась закрыть приложение. Она устала, глаза слипались, но рука сама потянулась к значку нового сообщения.

«Вера, я не могу дышать когда думаю о тебе. Ты мой воздух».

Она уставилась на экран. «Ты мой воздух». С ошибкой. Без запятой. Он был младше — намного младше, — но в эту секунду цифры не имели значения.

Она читала и млела. Прижимала телефон к груди, как девчонка. Улыбалась в темноте. Внизу живота снова потеплело, но теперь это было не стыдное тепло от пошлости, а что-то другое — нежное, щемящее, почти невыносимое.

Она ответила.

«Здравствуйте, Амир. Спасибо за такие слова».

Он написал через секунду:

«Не называй меня на вы. Я хочу быть твоим самым близким человеком на земле».

И Вера — сама не поняла, как это вышло, — улыбнулась так, будто ей снова двадцать.

Она ещё не знала, что самые красивые слова часто оказываются самыми пустыми.

Не знала, что первое сообщение — то самое, о женщине, которая умеет краснеть, — всё это время оставалось вверху, неотвеченное, как немой вопрос.

И не знала, что человек, написавший его, уже слышал о ней. Слышал от той, кому Вера доверяла больше всех. И что он ждал её появления здесь — терпеливо, как охотник в засаде, — с того самого дня, как увидел её фотографию на чужом телефоне.

Но это понимание придёт позже.

А пока — мерцающий экран смартфона, горячие щёки и её собственное сердце, которое после пяти лет тишины снова билось так громко, что было слышно в пустой квартире.

Часть 1. Глава 2. «Зрелая роза»

Эпиграф:

«Сладкие слова — это мёд, который пьют, чтобы отравиться».

— Уильям Блейк

Самым настойчивым оказался Амир.

Ему было тридцать четыре. На фото — смуглый, с горящими тёмными глазами, с лёгкой щетиной, от которой у Веры почему-то пересыхало во рту. Она ловила себя на том, что разглядывает его губы дольше, чем нужно. Представляла, какие они на вкус. Тёплые. Влажные. Чуть солёные. Как кожа, разогретая солнцем.

Он писал с ошибками, путал падежи, ставил запятые где попало. Но именно это трогало её больше всего. Эти ошибки были настоящими. Живыми. Они доказывали, что он не скопировал красивые слова из интернета, а рождает их сам, прямо сейчас, задыхаясь от чувств.

«Вера, я не могу дышать когда думаю о тебе. Ты мой воздух. Я хочу просто держать твою руку и смотреть в твои глаза. Ты родишь мне сына, и я буду носить тебя на руках до старости».

Она читала — и внизу живота разливалось тяжёлое, тёплое, невыносимо сладкое. «Ты родишь мне сына». Это же не просто слова. Это про то, как он войдёт в неё. Как заполнит её до самого конца. Как его семя прольётся в неё, в самую глубину, туда, где уже пять лет была только пустота.

Вера закусила губу. Сжала бёдра под столом. Соски, спрятанные под тонкой домашней футболкой, напряглись, стали чувствительными, будто к ним прикоснулись невидимые пальцы. Она почувствовала, как между ног стало влажно — не сильно, но достаточно, чтобы трусики прилипли к коже. Чтобы каждое движение отзывалось внизу тянущим, сладким напряжением.

— Он просто плохо знает русский, — прошептала она, стирая слёзы. — Зато как он чувствует! Господи, как он чувствует...

Она ответила не сразу. Долго подбирала слова, стирала, набирала заново. Наконец отправила:

«Амир, спасибо вам за такие тёплые слова. Но вы ведь меня совсем не знаете. Только по фотографии. Как можно говорить о любви, если мы даже не виделись?»

Ответ пришёл через секунду:

«Я видел твою фотографию и моё сердце узнало тебя. Это не просто так. Аллах дал мне знак. Ты моя судьба. Я это знаю также как знаю что солнце встаёт утром».

Вера прочитала и прижала ладонь к груди. Сердце билось часто, как пойманная птица. Грудь под ладонью была горячее, налитой. Она вдруг поймала себя на том, что дышит ртом

— глубоко, прерывисто, будто после бега. Что с ней? Это же просто слова. Просто буквы на экране. Но тело отзывалось так, будто эти буквы были губами, которые уже прижались к её шее.

Она набрала:

«Но ведь между нами разница в возрасте. Мне сорок два. А вам тридцать четыре. Это много».

«Это не важно. Совсем не важно. Любовь не смотрит на паспорт. Я знаю что ты старше и это делает тебя ещё краше. Ты зрелая роза в саду. А молодые девушки как бутон без запаха. Я хочу быть с женщиной которая знает что такое жизнь».

«Зрелая роза». Она перечитала. Между ног стало ещё влажнее. Она почувствовала, как трусики промокли насквозь — тонкая хлопковая ткань прилипла к набухшей плоти, и каждое движение отзывалось острым, стыдным удовольствием.

Вера расстегнула верхнюю пуговицу блузки. Воздух коснулся разгорячённой кожи. По телу прошла дрожь — от ключиц к животу, от живота ниже, туда, где уже пульсировало, набухало, требовало.

«Мне всё равно, сколько вам лет, Амир. Но я боюсь. Боюсь, что вы разочаруетесь, когда увидите меня вживую. На фото я выгляжу лучше, чем в жизни».

«Не говори так. Ты не знаешь свою красоту. А я знаю. Я вижу. Твои глаза как глубокий колодец. Твои губы как спелая вишня. Я хочу целовать их каждый день. Я хочу просыпаться и видеть твоё лицо на подушке рядом».

Она зажмурилась. И увидела: утренний полусвет, скомканные простыни, его смуглая рука на её белой груди. Его дыхание у неё на шее. Его губы скользят по плечу, по ключице, ниже — к соску. Она выгнулась на стуле, запрокинула голову. Пальцы сами сжали подол юбки.

Господи. Что с ней?

«Вы слишком красиво говорите, Амир. Я не привыкла к таким словам».

«Я не говорю красиво. Я говорю правду. Мои слова простые как хлеб. Но они идут из моего сердца. Ты веришь мне?»

Вера долго смотрела на экран. Потом набрала:

«Хочу верить».

И это было правдой. Хотела. Больше всего на свете. Хотела верить — и хотела, чтобы его слова стали плотью. Чтобы его «я хочу целовать тебя» обрушилось на неё не буквами, а губами. Чтобы его «ты родишь мне сына» прозвучало не в сообщении, а в ухо, в темноте, когда он будет в ней, глубоко, до самого конца.

Они переписывались допоздна. Каждую ночь, лёжа в темноте, она перечитывала его сообщения. Экран смартфона светился, как маленькое окно в другую жизнь. В жизнь, где её называли воздухом, розой, шёлком. Где её ждали. Где она снова была живой.

И каждую ночь её рука скользила вниз — робко, украдкой, будто кто-то мог увидеть. Пальцы находили горячую, влажную, набухшую плоть, и тогда Вера закусывала губу, выгибалась, дышала чаще. Она думала о нём. О его тёмных глазах. О его смуглых руках на своём теле. О его губах, которые обещали целовать её каждый день.

Она представляла, как он входит в неё. Медленно. Глубоко. Как заполняет её до краёв, до той грани, где уже не понять, где кончается он и начинается она. Как его семя проливается в неё — горячее, густое, — и она чувствует, как оно вытекает из неё, когда он выходит. И от этой мысли — такой стыдной, такой невозможной — судорога накрывала её резко, скручивала, вырывала из горла сдавленный стон, который она душила подушкой.

Она сжималась в комок, дрожа, прижимаясь лицом к влажной наволочке, и чувствовала, как внутри ещё пульсирует. Ещё отзывается. Ещё требует.

А потом приходила пустота. И Вера лежала в темноте, глядя в потолок, и думала: «Господи, что я делаю? Мне сорок два. Я мастурбирую на слова мужчины, которого никогда не видела. Который младше меня на восемь лет. Который пишет с ошибками».

Но на следующую ночь всё повторялось снова.

Однажды среди ночи, когда она в очередной раз перечитывала «ты мой воздух», пришло ещё одно сообщение. От того, первого. Того, кто написал про румянец.

«Не все красивые слова рождаются в красивых сердцах».

Вера вздрогнула. Уставилась на экран. Что это значит? Она хотела ответить, спросить, кто он и почему пишет ей такое. Но палец замер над клавиатурой. Она не знала, как с ним говорить. Он пугал её. И в то же время... притягивал.

В его словах было что-то тёмное. Что-то, отчего внизу живота снова потеплело — не от нежности, как с Амиром, а от страха. От страха, который был почему-то неотличим от возбуждения.

Она стёрла его сообщение. Но слова остались.

Амир уговаривал о встрече неделю.

Сначала Вера кокетничала: «Я подумаю». Потом отнекивалась: «Мне нужно время». Потом боялась: «А вдруг я тебе не понравлюсь?»

Но он не отступал. Писал с утра и вечером, иногда ночью:

«Я видел тебя во сне. Ты была в белом платье и шла ко мне через поле. Я проснулся и не мог больше уснуть, потому что тебя не было рядом».

«Ты родишь мне сына, и я буду носить тебя на руках до старости. Ты будешь самая счастливая женщина на земле. Клянусь мамой».

«Когда я увижу тебя, я упаду на колени прямо на улице. Пусть все видят как я люблю тебя».

Вера читала и млела. Прижимала смартфон к груди. Ей было сорок два, но в эти минуты она снова чувствовала себя девятнадцатилетней, когда записка от мальчика из соседнего двора могла перевернуть весь день.

В четверг вечером позвонила Люба.

— Ну что, подруга? Как там твой сайт знакомств? — голос у неё был бодрый, но Вера уловила в нём что-то ещё. Какое-то слишком пристальное внимание. — Пишут тебе?

— Пишут, — Вера замялась. Она не хотела рассказывать. И в то же время слова сами рвались наружу, как перегретый пар. — Там знаешь... по-разному. Много всяких. Пошляки в основном. Но есть один...

— Один? — Люба переспросила слишком быстро. Слишком заинтересованно. — И кто такой?

— Зовут Амир. Он... ну, не местный. С Кавказа, кажется. Моложе меня.

В трубке повисла пауза.

— Моложе — это насколько?

— Ему тридцать четыре.

— Тридцать четыре, — повторила Люба. По голосу Вера поняла: подруга стоит с сигаретой, прищурившись, смотрит в окно. — И что он тебе пишет? Уже написал, что хочет тебя? Что ты его судьба? Что он будет носить тебя на руках?

Вера смутилась. Откуда Люба знает?

— Ну... да. Говорит, что я его судьба. Что хочет сына. Красиво так пишет. С ошибками, но от этого ещё искреннее, понимаешь?

Люба хмыкнула. Не весело. Скорее задумчиво.

— С ошибками, значит, — она затянулась. — Ошибки — это не всегда про искренность, Вера. Иногда это просто про то, что человеку насрать. Красивые слова молодых мальчиков —

они как дешёвые духи. Сначала дурманят, а потом голова болит. А молодые — они ненасытные. Ты ему рот открой — он тебе всю душу высосет. В прямом смысле.

— Люба! — Вера вспыхнула.

— А что? — в голосе подруги появились те самые вульгарные нотки, от которых Вера всегда краснела. — Молодые — они горячие. Стояк у них такой, что гвозди забивать можно. Но это не про любовь, подруга. Это про то, что у них в штанах свербит. А ты для него — экзотика. Зрелая баба, с формами. Он тебя разденет глазами ещё до того, как вы встретитесь. Поверь мне.

Вера молчала. Ей было жарко. И стыдно. И почему-то от слов Любы внизу живота снова разлилось то самое тёмное тепло. «Разденет глазами». Она представила это — и сжала бёдра под столом. Трусики прилипли к коже. Она чувствовала, как набухшая плоть пульсирует в такт сердцу.

— Не прикипай ты к этому Амиру, — продолжала Люба. — Ну что это за любовь с первого взгляда по фотографии? Ты взрослая женщина. Должна понимать, что это несерьёзно. Там, на сайте, есть и другие. Постарше. Посолиднее. Которые не пишут с ошибками, но знают, как сделать женщину счастливой. И в постели, и в жизни.

— Откуда ты знаешь? — вырвалось у Веры.

— Что?

— Откуда ты знаешь, что там есть такие?

Люба снова замолчала. На этот раз пауза длилась дольше.

— Знаю, — сказала она наконец. — Просто знаю. Ну всё, давай. Котлеты у меня пригорают.

И повесила трубку.

А Вера осталась сидеть в тишине, прижимая смартфон к груди. Станный был разговор. Будто Люба не радовалась за неё. Будто... ревновала? Или злилась? Она не понимала.

Но слова Амира перевешивали всё. Его слова были как мёд. А слова Любы — как дым. Едкий, но развеивающийся.

В пятницу, после очередного его сообщения — «Я хочу увидеть тебя, чтобы моё сердце перестало болеть» — она сдалась.

«Только в людном месте, — написала она, чувствуя, как горят щёки. — В парке, в кафе, днём».

«Как скажешь, моя роза. Я буду ждать. Я буду стоять у входа с цветком. Ты узнаешь меня по глазам. Они будут гореть от любви к тебе».

В субботу Вера встала в семь утра.

Три часа на сборы. Она стояла перед раскрытым шкафом, перебирала платья. Синее — слишком тёмное. Красное — слишком вызывающее. Бежевое — бесцветное. Взяла лёгкое, с цветочным узором, то, что «молодило». Надела. Сняла. Снова надела.

В зеркало смотрела женщина, которую она не видела давно. Глаза блестели. На щеках горел румянец. Грудь под тонкой тканью поднималась и опускалась чаще обычного. Вера провела ладонями по бёдрам, разгладила платье. Под тканью — трусики, которые она надела утром. Не те, повседневные, хлопковые, выстиранные сто раз. А другие — тонкие, с кружевом, которые лежали в шкафу уже пять лет, с тех самых пор, когда она ещё верила, что кому-то может быть важно, что на ней надето.

Она выбрала их не сразу. Сначала надела обычные. Потом сняла. Достала эти. Поддержала в руках. Кружево было почти невесомым, чужим, будто принадлежало другой женщине — той, которую она похоронила в себе давно. И всё же надела.

И вот теперь, стоя перед зеркалом, Вера думала: зачем?

Они ведь даже не говорили о сексе. Ни разу. Ни намёком. Амир писал о любви, о нежности, о сыне, о том, как будет держать её за руку и смотреть в глаза. Он ни разу не спросил, что на ней надето, не намекнул, что хочет большего. Их встреча не подразумевала ничего такого. Кафе. День. Людное место. Разговоры. Взгляды. Может быть, случайное прикосновение пальцев, от которого перехватит дыхание.

Никто не увидит эти трусики.

Их не увидит никто.

Но почему-то ей было важно, какие они. Почему-то ей нужно было знать, что под этим скромным платьем с цветочным узором скрыто нечто другое. Нечто, о чём знает только она. Нечто, что делает её не просто женщиной, которая идёт на первое свидание, а женщиной, которая готова. К чему? Она сама не знала. Но тело знало. Тело уже всё решило за неё ещё там, у шкафа, когда она сняла хлопковые трусики и надела кружевные.

Они врезались в плоть, как напоминание о том, кем она собиралась быть сегодня. Когда она делала шаг, кружево тихо шуршало — так шуршит сухая трава под ногой, когда идёшь по полю, зная, что никто не видит. Вера слушала этот шорох и думала: «Это я. Это я ещё существую». Женщиной. Которую хотят. Которую ждут. Которую целуют.

Женщиной, которая надевает кружево не для кого-то, а для себя. Чтобы чувствовать. Чтобы помнить. Чтобы каждое движение, каждый шаг, каждое сжатие бёдер отзывалось нежным уколом кружева, как шёпотом: «Ты ещё живая. Ты ещё женщина».

Она стёрла помаду, нанесла заново. Потом ещё раз. Губы стали влажными, алыми, как спелая вишня — он так и написал. «Спелая вишня». Вера тронула их пальцем. По телу прошла дрожь.

— Господи, — прошептала она своему отражению. — Что я делаю?

Отражение не ответило. Но в его глазах она увидела ответ. Тот самый, который боялась признать.

Она пришла в кафе на пятнадцать минут раньше.

Села за столик у окна, чтобы видеть дверь. Нервно поправила салфетку, разгладила, снова сжала. Заказала чай, чтобы не выглядеть нелепо. Чашка дрожала в руке.

Каждый раз, когда дверь открывалась, сердце подскакивало. Она выпрямлялась, натягивала улыбку, смотрела на вошедшего — и снова сдувалась, как проколотый шарик.

Она сжимала бёдра под столом. Чувствовала, как кружево врезается в кожу, как влажно становится между ног — от волнения, от ожидания, от страха. Она представляла, как он войдёт. Как оглядит её. Как подойдёт. Как его ладонь ляжет на её руку — тёплая, сухая, чуть шершавая. И от одной этой мысли соски сжались, стали твёрдыми, упёрлись в ткань платья.

Прошло десять минут. Двадцать.

Она написала ему: «Ты скоро?»

Ответа не было.

Чай остыл. Салфетка превратилась в мятую тряпку. Люди за соседними столиками приходили и уходили. Официантка косилась на неё с жалостью.

Вера написала ещё раз. Сообщение не доставилось.

Она зашла в приложение. Анкета Амира была удалена.

Тогда она вышла из кафе. На улице светило солнце, смеялись дети, мамочки катили коляски, бегуны пробежали мимо. Жизнь кипела. А внутри у неё было тихо, как в выключенном телевизоре.

Она села на скамейку и просто смотрела перед собой. Платье прилипло к спине. Между ног всё ещё было влажно — но теперь это казалось насмешкой. Её тело готовилось к нему. Раскрывалось. Ждало. А он не пришёл.

Домой шла пешком через весь город.

Каблуки натёрли ногу, но она не чувствовала. Кружевные трусики врезались в пах, как наказание. Каждое движение отзывалось болью — той самой, которая была неотличима от стыда. Она шла и чувствовала, как влага между ног остывает, превращаясь в липкую, холодную плёнку на коже. Как будто её тело заплакало. Как будто оно оплакивало то, что не случилось.

В голове крутились его слова: «Я буду носить тебя на руках до старости». Как же так? Как можно было написать такое — и исчезнуть?

Вечером, когда она сидела на кухне в этом дурацком платье, снова позвонила Люба.

— Ну что? Как свидание?

Голос подруги звучал буднично, но Вера уловила в нём какой-то подтекст. Словно Люба уже знала ответ.

— Нормально, — Вера старалась, чтобы голос не дрожал. — Просто поняла, что любовь — это не для всех.

— А я тебе что говорила? — Люба вздохнула. — Молодые — они ветреные. Сегодня одна, завтра другая. Ты, Вера, женщина серьёзная. Тебе нужен не мальчик, который слова красивые пишет. Тебе нужен мужчина. Который поступки совершает. Который знает, как обращаться с такой женщиной, как ты. И в постели, и в жизни.

Вера молчала. В горле стоял ком.

— Ну не расстраивайся. — Люба говорила мягче. — Это было просто знакомство. Первый блин комом. Ты главное не зацикливайся. Там, на сайте, ещё столько мужиков. Нормальных. Взрослых. Дай я гляну, может, кого тебе посоветую...

— Не надо, — быстро сказала Вера. — Я сама.

— Ну смотри. — В трубке щёлкнула зажигалка. — Твоё дело. Но помни: не всё золото, что блестит.

Люба повесила трубку. А Вера осталась сидеть в темноте, слушая, как на кухне капает кран. В голове крутились обрывки разговоров: «не прикипай», «ошибки — это не всегда про искренность», «я сама». А под ними, глубже, — тёплые, как бархат, слова Амира: «Ты моя роза. Ты мой воздух. Ты моя судьба».

Она не плакала. Просто было очень тихо.

Легла спать, не раздеваясь.

Платье пропахло чужими духами из кафе и её собственным потом. Кружевные трусики, так и не снятые, врезались в плоть, как немой упрёк. Она провела рукой по животу, по бёдрам.

Пальцы наткнулись на мокрое кружево. Вера замерла. Она всё ещё была влажной. Всё ещё готовой. Всё ещё ждущей.

Она отдёргнула руку, будто обожглась. Повернулась на бок. Поджала колени к груди.

И лежала так, слушая, как в пустой квартире тикают часы.

А на следующее утро в дверь позвонили.

Вера открыла глаза. Сердце ударило в горле. Она не ждала никого.

Звонок повторился. Настойчивее. Дольше.

Она медленно встала, накинула халат, подошла к двери. Замерла, не решаясь посмотреть в глазок. Стояла и слушала, как за дверью кто-то дышит. Или это ей казалось?

Звонок прозвенел в третий раз.

Часть 1. Глава 3. «Тень Амира»

Эпиграф:

«Страх — это похоть, которая не осмеливается назвать себя».

— Оскар Уайльд

Утро началось с гулко-го, требовательного звонка в дверь.

Вера вздрогнула. Чашка с кофе дёрнулась в руке, горячая капля упала на халат, на грудь — туда, где под тонкой тканью уже билось сердце. Капля потекла вниз, в ложбинку между грудями, оставляя на коже обжигающий след. Вера замерла, глядя, как тёмное пятно расползается по светлой ткани. Она не ждала никого. Не было никого уже много лет. И вот — звонок. Настойчивый. Чужой.

Она подошла к двери бесшумно, как умеют ходить только одинокие женщины в пустых квартирах. Босая. В халате, накинутом на голое тело — она так и не переоделась после душа. Вода ещё блестела в ложбинке между грудями, но сейчас Вера не замечала этого. Всё её внимание было там — за дверью, где кто-то стоял и ждал.

Глазок. Она прильнула к нему, чувствуя, как холодная дверная панель касается лба. На лестничной клетке стоял мужчина. Молодой. Азиатской внешности. Невысокий, худощавый. Он мял в руках какую-то тряпку — то ли шапку, то ли шарф — и переминался с ноги на ногу, как побитая собака.

Она не знала его. Совершенно точно не знала.

Память мгновенно подбросила жуткие истории: маньяки, насильники, убийцы, которые находят жертв по объявлениям, по фотографиям, по наивной надежде в глазах. Вера отпрянула от глазка. Сердце забило где-то в горле. По спине — от копчика к затылку — пробежал ледяной холод. Она прижала ладонь ко рту, чтобы не задышать слишком громко.

— Кто вы? — спросила она через дверь, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Простите... — раздался приглушённый голос. Мягкий, с акцентом. — Я Башир. Брат Амира. Мой брат не смог прийти вчера. Он послал меня извиниться.

Вера молчала. За дверью было тихо, только слышно, как Башир дышит — неровно, будто бежал по лестнице.

— Я вас не знаю, — сказала она. — И Амира вашего больше знать не хочу. Уходите.

— Пожалуйста, послушайте! — он сделал шаг ближе. Вера снова прильнула к глазку. Он стоял теперь совсем близко, и она видела его лицо: смуглое, с острыми скулами, с тёмными глазами, в которых метались страх и что-то ещё. Что-то, отчего у неё пересохло во рту.

— Откуда вы знаете мой адрес? — перебила она. — Я никому его не давала.

Пауза. Башир опустил голову. Из подъезда пахнуло сыростью, кошачьим запахом и чем-то ещё — уличным холодом, который принёс он с собой.

— Я... я вчера шёл за вами.

Вера почувствовала, как холодеют руки. Она прижала ладонь к двери — та была ледяная. Или это её пальцы стали ледяными? В груди всё сжалось. Ей вдруг стало трудно дышать.

— Что?!

— Не подумайте плохого! — заговорил он быстро, сбивчиво, проглатывая окончания. — Амир попросил меня пойти в парк. Посмотреть на вас. Он сказал: «Башир, я хочу знать, какая она в жизни». Он попросил не подходить. Просто посмотреть. Я сидел на соседней лавочке. Вы пили чай. Вы были очень красивая. Я видел, как вы ждали. А потом вы ушли, и я... я не хотел, чтобы вы подумали, что Амир вас обманул. Я пошёл за вами до дома, чтобы завтра объяснить.

Вера слушала, и страх становился гуще, плотнее, как кисель, заполняющий лёгкие. Он следил за ней. Он видел, как она сидела в кафе. Как пила чай. Как ждала. Он был там, в парке, и она не заметила его. А он — смотрел. И шёл за ней до самого дома. Она даже не обернулась.

Она обхватила себя руками. Халат прилип к спине — между лопаток стало влажно от пота. Пальцы вцепились в ткань так, что побелели костяшки.

— Это безумие, — прошептала она. — Вы оба сумасшедшие.

— Нет! — он вскинул руки. — Мы не сумасшедшие! Просто Амир... он другой. Он не такой, как все. Он очень хотел с вами встретиться, но вчера не смог. У него были проблемы. С документами. Его задержали. На целый день. Телефон отобрали. Я сам еле узнал, где вы.

Вера прикрыла глаза. Ей хотелось, чтобы он ушёл. Чтобы всё это закончилось. Чтобы она снова осталась одна в своей пустой квартире, где никто не стоит за дверью, никто не следит, никто не идёт за ней по улице.

— Послушайте, Башир, — сказала она, стараясь дышать ровно. — Я не знаю ни вас, ни вашего брата. То, что вы сделали, — это неправильно. Это пугает. Вы понимаете?

— Понимаю, — тихо ответил он. — Я сам знаю, что это выглядит плохо. Но я должен был объяснить. Амир не хотел вас обидеть. Он... — Башир помедлил, — он плакал, когда узнал, что вы ушли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.